

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОХИЩЕННЫЕ-1

Вы видели, как вода уходит через воронку? Это заметнее, когда в нее попадает соринка. Сначала она приходит в движение совсем медленно, принимаясь вращаться по самому краю воронки. Потом соринка постепенно смещается к центру, а движение становится быстрее. В конечном счете соринку засасывает в водоворот, и она разом исчезает в его мини-пучине.

Вот так случилось и на этой операции. Я долго крутился по периферии, полагая, что нахожусь на оси вращения. По ходу движения что-то удавалось, и мне казалось, что вот он, конечный смысл всей затеи. И я как-то не думал, не замечал, что движение ускоряется и исподволь подводит меня к реальному центру событий. И что когда я наконец там окажусь, удержаться на поверхности мне уже не удастся. Вообще удержаться не удастся. Дальше уже я терял какой бы то ни было контроль над событиями, становился соринкой, которая, повинуясь внешним силам и законам физики, проваливается в никуда.

Я почему-то не удивился, увидев снова рыжего (о нем потом). Играли-играли свою тревожную мелодию скрипочки в моем воспаленном мозгу, вот и развязка. С ним был еще один парень. Тоже лет тридцати пяти — сорока, но в костюме и при галстуке.

— Могу я, джентльмены, попросить ваши документы? — решительно произнес второй, в костюме.

Он был похож на ящерицу — его улыбка, вернее оскал, не обнажала верхних зубов. Нижние же зубы были неровные и цвета ближе к коричневому, как у заядлых курильщиков и любителей кофе. Он, несомненно, был англичанином, но из народа, Оксфордов с Кембриджами не оканчивал.

— А в чем дело? — строго спросил Лешка Кудинов, который прекрасно понял, в чем дело.

— Пожалуйста, просто предъявите документы, — сказал рыжий. У него английский был еще тяжелее, чуть ли не кокни. — Не стоит привлекать внимание.

Ничьего внимания мы не привлекали. Вокруг вообще никого не было, кроме старика в панаме, перемещавшегося с помощью двух палок. Нас остановили на площади, обрамленной жилыми, коричневыми с белым, зданиями и с чудным английским сквером посередине. Мы с Лешкой стояли друг напротив друга, а адская парочка подошла с обеих сторон между нами,

замыкая квадрат. И что нам делать? Скорее всего, прежде чем подойти, эти ребята подготовились. Если они из контрразведки, как было похоже на то, где-то в двух шагах их подстраховывают коллеги.

Показать им паспорт? У меня американский, у Кудинова с собой английские права. Можно попробовать сыграть в туриста: заблудился человек и попросил местного жителя сориентировать его. Им ведь я нужен, Лешка может выкрутиться. Но мой друг соображал быстрее.

— Вы из полиции? — спросил он своим самым надменным тоном. — Сначала вы предъявите удостоверения. На каком основании вы останавливаете людей?

— Мы не из полиции, — сказал рыжий, залезая во внутренний карман.

А тот, в костюме, оглянувшись, и я услышал, как, визжа шинами, к нам рванула машина. Рыжий же полез не за бейджем. В руке у него оказалась длинная черная коробочка с двумя блестящими жалами, которые уперлись мне в ребра. Заряда он не пожалел, потому что свет померк и я даже не увидел, что стало с моим придиричивым другом.

Я очнулся оттого, что на меня упало что-то жесткое, но не очень тяжелое. Руки у меня были связаны за спиной, голова была как будто вынутая из тисков, во рту — кислый вкус электричества. У нас в отдельных штатах электрошокеры запрещены. Огнестрельное оружие — нет. Выстрелить в определенных обстоятельствах человеку в сердце или в голову разрешается, а вот применять электрический заряд — всегда уголовное преступление. Очень гуманный закон.

Так я сначала разобрался со своими физическими ощущениями и только потом вспомнил, что нас с Лешкой в разгар дня и в центре Лондона похитили двое англичан. Не арабы, не афганцы, не пакистанцы — такие же, как мы, белые. Ну, как я сказал, один из них был рыжий, весь в веснушках.

Я попробовал встать на колени, и предмет, который привел меня в чувство, свалился на дребезжащий пол. Дребезжащий, потому что я ехал в машине. Видимо, в товарном фургоне, потому что внутрь не проникало ни луча света.

Я сделал шагок в сторону. Когда ты стоишь на коленях, твои шагки совсем маленькие. Предмет был похож на алюминиевую стремянку: он был длинный и достаточно легкий. Я переступил в другую сторону

и наткнулся на что-то мягкое, на человеческое тело. Я потолкал его коленом:

— Эй, это ты?

Тело зашевелилось.

— А это ты? — промычал Кудинов. Язык у него ходил, как поршень в цилиндре, из которого вытекло масло.

Я услышал и отчасти почувствовал, как Лешка тоже принялся подниматься на колени. Темнота была кромешной. Машина ехала быстро и без остановок — мы явно выбрались из Лондона и мчались теперь по автостраде.

— Живой? — задал бессмысленный вопрос я.

— Сейчас бы заземлиться, — пробормотал Кудинов. — Я до сих пор как на вольтовой дуге.

Теперь мы сидели друг против друга, касаясь коленями.

— У тебя руки тоже связаны? — продолжал бессмысленно интересоваться я. — Тоже за спиной?

— Да. — Лешка поерзал. — Наручники не игрушечные, не пластмассовые.

— Хотя на контрразведку это не похоже. И на полицию тоже, — размышлял я. — Те бы предложили проехать с ними, на худой конец затолкали бы в машину. Да и мы уже давно за городом.

— Для арабов или пакистанцев парни цветом не вышли, — внес свой вклад мой напарник.

— Твои предположения?

— Хрен его знает.

Лешка сказал не «хрен». А ведь вообще-то он не матерится.

— У тебя что в карманах? Они нас обыскали? — спросил я.

Кудинов заерзал.

— Да нет. Бумажник вроде на месте. И мобильник тоже.

— Что в бумажнике?

— Права. Танькина фотка с Максимом. Деньги — не так много. И две кредитки. Ну, пара дисконтных карточек. А у тебя?

— Тот же набор, только с паспортом.

— На Пако?

— Да.

— Вот гадство, от этого не избавишься. Я кредитки точно не прожую. А телефон у тебя тоже не забрали?

Я, изгибаясь как женщина-змея, прикинул на вес карманы пиджака.

— Нет, оба мобильных здесь — местный и нью-йоркский.

— Спешили ребята. Похищение людей — здесь за такое по головке не погладят. Давай попробуем позвонить. Залезешь ко мне в карман?

Я стал перемещаться короткими шажками. Одет Кудинов был по-летнему, в свободную рубаху, так что телефон лежал в кармане джинсов. Обе руки туда не пролезают, одной — сложно, да еще и джинсы были в обтяжку. В общем, получилось у меня исключительно благодаря высшему предназначению, иначе не объяснишь.

Я развернулся к Лешке спиной, чтобы он видел экранчик телефона, когда тот загорится.

— А куда звонить будем?

— Есть один номерок. Надеюсь, они определяют как-нибудь, откуда я звоню. Давай теперь входи в меню.

То, что он назвал «меню», было многоуровневым и многоколенным лабиринтом опций. Кудинов еще

точно не помнил, где у него телефон для экстренной связи с резидентурой запрограммирован. В общем, процесс занял минут пять.

— Вот он, абсолютно точно, — определился наконец мой друг. — Жми теперь.

— Придумал уже, что сказать?

— Не волнуйся, скажу. Там автоответчик.

Телеграфным стилем Кудинов владел на отлично. Он сообщил, что был похищен с другом двумя белыми мужчинами на Дорсет-сквер около 12:20. В настоящее время нас везли связанными в грузовом минивэне в неизвестном направлении по автострате.

В трубке вдруг раздался голос — нет, там не просто автоответчик был. Поскольку никто из нас поднести телефон к уху был не в состоянии, Лешка помог мне найти громкую связь.

— Назовите себя, — без куриного кудахтанья и телячьих нежностей, по-деловому и по-английски потребовал голос.

— Рабиндранат. — Мой просвещенный друг черпает свои кодовые имена (а их периодически надо менять, как пароли на интернет-сайтах) исключительно из мировой литературы. — И еще... Ты сейчас кто?

— Титикака.

Это озеро такое в Южной Америке. Для меня кодовые имена до сих пор тоже игра.

— Сможете выйти на связь снова? — бесстрастно осведомился голос.

— Телефоны у нас, скорее всего, отберут, как только мы остановимся.

— Тогда немедленно сотрите из памяти наш номер. Мы попробуем определить ваше местоположение и как можно скорее придем на помощь.

Последние слова голос произнес уже квакая — мы въезжали в какую-то слабую ячейку в сотах. А потом сигнал пропал. Хотя, судя по тону живого автоответчика, мы все друг другу сказали.

— Запомни номер, прежде чем мы его сотрем, — потребовал я.

— Хорошо, только какой смысл? Телефоны отберут в первую очередь.

— Смысл есть. Они же не знают, что у меня два мобильных. Английским пожертвуем.

Я снова поупражнялся в нажимании кнопок вслепую и затекшими руками. Запястья у меня уже были натерты до боли. Наконец Лешка объявил, что все получилось, и я с неменьшим трудом засунул телефон на старое место в джинсах.

— Так, теперь твоя очередь.

Я был в легком льняном пиджаке. Местный мобильный у меня всегда в правом кармане, а американский — в левом. Мы поменялись местами. Теперь Кудинов повернулся ко мне спиной и, широко расставив колени, чтобы подобраться поближе, начал непростые манипуляции. Только достал он телефон из левого кармана.

— Это не тот телефон. Это мой американский, — прошипел я.

— Я так и хотел. Мы дураки, — с гордостью, что на самом деле он-то умный, провозгласил Алекси, как Лешка себя называет. — Надо именно с твоего телефона позвонить ребятам, чтобы они нас отслеживали. Английские у нас отнимут, а американский мы припрчем.

Я об этом тоже думал.

— Не уверен. Мало ли кто в резидентуре работает. Днем на нас, ночью — еще на кого-нибудь. У меня этот

номер уже давно, меня по нему и через сто лет после смерти найти можно.

— А Мохову?

Я подумал. Володя Мохов был у меня на связи с лондонской резидентурой. Я ему не только звонил, но и несколько раз с ним встречался. Так что перед ним я в любом случае был засвечен.

— Ладно, согласен, — проскрипел я. — Но Мохов что, сможет что-то сделать помимо других наших коллег?

— Пусть у него будет твой номер на крайний случай, — мягко настоял мой друг. — Чтобы отсчет времени на эти сто лет, на которые ты мрачно намекнул, не начался прямо сегодня. Только я буду звонить, он мой голос лучше знает.

Меня опять взяли сомнения:

— Ох, нехорошо так, неправильно. Черт возьми, это же мой вечный номер!

— Попросить тех ребят, чтобы притормозили у автомата?

— Вот гадство! — снова выругался я. Но в предложении Лешки был резон. — А у тебя есть его личный мобильный?

Я-то связывался с Моховым тоже, как я считал, через автоответчик.

— Конечно. Я его на память знаю.

— Ну ладно, звони. Только Эзопом. Мало ли приком он свои сообщения будет слушать.

— Естественно. Я без ваших указаний ни на шаг.

Мы снова поменялись местами. Я спиной к Кудину принялся нажимать кнопки своего личного телефона, американского. А Лешка наклонился к трубке и откашлялся.

У Мохова сработал автоответчик. Не смутившись, Кудинов поведал о нашем похищении в следующих (английских) словах:

— Мы тут с нашим американским другом отправились на прогулку. Нас пригласили, а отказаться было никак невозможно. На работу мы позвонили, что нас не будет, но их без крайней нужды в детали лучше не посвящать. А тебя мы бы рады были видеть, да и хороших друзей можешь прихватить. Номер у тебя светился, но нам лучше не звони. Мы сами свяжемся, когда сориентируемся. Просто, если захочешь присоединиться, будь наготове.

— Вроде все понятно, — самодовольно заключил Лешка. — Давай теперь отключим тебе звонок.

Я на ощупь залез в свою паутину опций. Кудинов смотрит, я нажимаю. Это заняло еще минут пять. Фургон, к счастью, все еще несея по автостраде.

— Ты придумал, куда мы твой телефончик спрячем? — вздохнув с облегчением, спросил мой друг.

— Придумал. — Я ношу слипы, такие плотные трусы, как плавки, с резинками, обтягивающими ноги. — Расстегни мне молнию на ширинке. Справишься?

Мы проделали в обратном порядке наши балетные па. Лешка повернулся ко мне спиной и взял из моих рук телефон. А я мелкими переступаниями прокрутился, чтобы оказаться к нему лицом и максимально выпятил таз вперед, как в ламбаде.

— Вот уж не думал, что наши отношения зайдут так далеко, — проворчал мой целомудренный друг, одной рукой держа телефон, а второй подтягивая меня поближе. — Ты хоть дальше не пойдешь в своем бесстыдстве?

— А если бы я был ранен или парализован? Ты что, не оказал бы мне посильной мужской помощи? Давай-давай, лезь внутрь.

— Ну хорошо. И что теперь? Еще проталкивать? Бр-р... Как это может нравиться женщинам?

Старательности, впрочем, возникшее неудобство Кудинову не убавило. Все правильно делал, несмотря на брезгливость и отсутствие свободы движений.

— А то ты как-то по-другому устроен, — упрекнул его я. — И не думай, что я от твоих прикосновений тащусь.

— Ладно, ладно. Хватит теперь?

— Нет, так они его найдут. Дальше пропихивай, чтобы не выпячивался.

— Глубже никуда не нужно его засунуть? — продолжал ворчать Лешка. — Там вообще было бы незаметно.

— Доставать труднее. Теперь убирай руки — посмотрю, угнездился ли.

Рука вылезла наружу, заботливо поправив по пути резинку трусов. Я покрутил бедрами. Вроде нормально: телефон лежал строго между ног, в самой промежности.

— Теперь с моим местным сотовым давай разберемся, — не отставал я.

Кудинов протестующе запыхтел: он только-только сел на пол и расправил затекшие колени.

— По нему тоже нежелательные звонки были, — пояснил я. — Давай просто сим-карту из него вынем и уничтожим.

Мы спешили. Наш фургон съехал с автострადы на узкую петляющую дорогу, впрочем едва сбавив скорость. Нас с Лешкой мотало из стороны в сторону на каждом повороте. Однако и с этой задачей мой друг

справился. Вынув сим-карту, он попытался засунуть ее в щель кузова, но в итоге сломал. Оно, может, так было и к лучшему.

— Теперь осталось придумать, в какой складке твоего организма спрятать твой наградной маузер, — напомнил Алекси. Чувство юмора его никогда не покидало.

— Кстати.

Кудинов намекал на шариковую ручку, которую я ношу в бумажнике. Нормальная такая ручка для использования по прямому назначению. Но еще ее можно повернуть в одну сторону до щелчка, потом, нажав кнопку, в другую тоже до щелчка. И теперь, когда снова нажмешь на кнопку, из нее вылезет не шариковый стержень, а толстая сантиметровая игла, на раз пробивающая даже кожаную куртку и все, что под ней может быть надето. Достаточно только ткнуть ею в человека, и из иглы сама вытечет крошечная капелька, которая в течение пары секунд парализует нервную систему. Я имею в виду, что к тому времени человек окажется на полу и с него уже никогда не встанет. Все это, только намного короче, я недавно изложил Лешке.

— Твой ядовитый зуб так в бумажнике и лежит? — с надеждой повторил напоминание Кудинов.

— Конечно. Но ты прав. Давай достань оттуда ручку и просто сунь мне в карман. Вдруг не заберут.

Мы так и сделали, еще пять минут заняла эта незамысловатая операция.

Уф! Мы удовлетворенно присели на пол рядом друг с другом. Лешка даже двинул меня легонько плечом: так он был доволен, что все успели сделать. А фургон вскоре свернул на дорожку, засыпанную гравием, и, проехав с хрустом метров триста, остановился.

— Просто не терпится познакомиться с ребятами поближе, — проворчал Кудинов.

А мне как хотелось! У меня возникло с полдюжины вариантов, кто бы мог стоять за нашей вынужденной прогулкой. И начинать анализировать с этой точки зрения каждого из моих контактов в Лондоне стоило с самого начала, с египтянина.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ЗА ПЯТЬ ДНЕЙ
ДО ПОХИЩЕНИЯ

Ненавижу, когда важные дела приходится делать наспех. Когда встречи, где имеет значение каждое слово, высказанное или невысказанное, каждое секундное колебание собеседника, возможно затрагивающее непреклонность его характера, каждый его напускной наскок, способный скрывать уже созревшее отступление, — одним словом, встречи, которые нужно выстраивать заранее, мысленно проигрывая с партнером и свою роль, и чужую, должны прозойти вдруг, вот прямо сейчас.

А в тот приезд в Лондон в конце сентября 1999 года я даже не успел повидаться с кем-либо из Леса, чтобы по-настоящему обсудить задание. Встреча с агентом должна была состояться через час после моего прилета, в девять утра.

Рейс не опоздал: самолет приземлился в Хитроу ровно в 7:15. Зарегистрированного багажа у меня не было: только чемоданчик на колесиках, с каким пускают в салон. У выхода из таможенной зоны, держа в руке табличку с моим именем, искал прибывших пассажиров глазами пожилой человек в кителе цвета неви и в форменной фуражке транспортной компании. Довольно смуглый, с орлиным носом и чрезвычайно вежливый, как-то церемонно учтивый в стиле XIX века — по всем перечисленным признакам на русского не похожий. И общались

мы с ним на языке страны пребывания — если обмен двумя десятками слов с обеих сторон можно назвать общением. Однако, как следовало уже из самого факта его появления рядом со мной, высоким доверием Конторы пожилой джентльмен был облечен всецело. Совершенно неожиданные люди попадают иногда в нашу паутину.

Пока мы доехали до города, я успел просмотреть несколько страничек, лежавших в запечатанном конверте, который вручил мне этот переквалифицировавшийся дворецкий из романов Вудхауса. В нем находилась справка на помощника египетского военно-морского атташе по имени Ашраф Абдельхамид: он лишь за две недели до того прибыл на новое место службы в Великобританию. Не знаю, насколько майор Абдельхамид отработывал свои обязанности по прикрытию, но на самом деле он был профессиональным контрразведчиком и его задача состояла в выявлении и нейтрализации радикальных исламистов.

Из справки явствовало, что брат Ашрафа являлся телохранителем президента Садата и что он был убит во время того самого покушения в октябре 1981 года, когда погиб и сам Садат. Вот тогда-то Ашраф начал собственную священную войну, и врагами его считались все мусульманские экстремисты, а в особенности люди из «Египетского исламского джихада»*. В справке отмечалось, что, будучи образованным человеком и заботливым отцом четверых детей, Ашраф отличался непримиримостью и даже безжалостностью, как только речь заходила о террористах.

* Организация признана террористической решением Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116. Деятельность организации запрещена на территории Российской Федерации.

Да, что еще я не пояснил. Почему для связи с Ашрафом потребовался американец или человек, неотличимый от американца? С этим агентом Контора работала, что называется, под чужим флагом. То есть Ашраф думал, что передает сведения ЦРУ или какой-то еще организации, но точно для правительства США. Платили ему хорошо, так что за такие деньги он мог бы согласиться сотрудничать с кем угодно, включая русских. Тем не менее в Лесу решили не рисковать. Ашраф получил образование в Штатах, в Вест-Пойнте, Америка ему нравилась — зачем экспериментировать?

Мы встречались в крошечном, на шесть столиков, кафе в Сохо. Ашраф завтракал в проходе спиной к стене и, как и было условлено, перебирал DVD. У меня, как и было условлено, белел бинт на мизинце и безымянном пальце левой руки — выходя из машины, я надел лежавшую в том же конверте нашлепку. Когда я проходил мимо Ашрафа, он уронил один диск и я поднял его. Все правильно: сборник диснеевских мультфильмов.

— У моего сына был такой же, пока его не сжевал наш ротвейлер, — любезно назвал я пароль, протягивая ему диск.

Ашраф поблагодарил, я сел у окна и заказал эспрессо.

Египтянин оказался неожиданно темнокожим, как суданец или эфиоп. Лицо его было вытянутым и очень худым, с резко выступающими скулами и ввалившимися щеками. Глаза напряженные, без малейшего намека на средиземноморскую мягкость, восточную бархатистую глубину и искорки иронии, присущие столь многим арабам.

За мной в кафе никто не вошел, на улице подозрительных движений тоже не наблюдалось. Покопавшись для виду в своей сумке через плечо, я залпом выпил

неожиданно горький, как хина, допинг, запил принесенной вместе с кофе водой и вышел к машине. Она стояла чуть поодаль, так, чтобы ее не было видно сквозь витрину кафе. Бывший дворецкий поспешно выбрался наружу, надевая фуражку, и, обогнув новехонький солидный «Ровер-75», открыл мне дверцу. Я остановил его знаком и обернулся. Ашраф уже стоял на тротуаре, ища меня глазами. Мы оба нырнули на заднее сиденье, и «ровер», породисто урча, влился в поток. Мне рекомендовали провести первый разговор именно в машине, так что я зашифровался по минимуму.

— Зовите меня Майкл, — представился я, протягивая египтянину руку.

— Ашраф, очень приятно, — отозвался он.

Рука была крепкая и сухая. Когда люди нервничают, зачастую руки у них потеют. И назвался он своим настоящим именем.

Напор, напор, даже если прешь наудачу! Люди сразу чувствуют, когда в разговоре ты поплыл. Пусть даже общее место, но задавай тон.

— Я слышал о вас много хорошего и тоже рад знакомству. — Я улыбнулся своей самой широкой улыбкой. — Надеюсь, мы вместе сделаем много хорошего для наших стран.

Это был один из крючков, на которые поймали Ашрафа. Он делился сведениями с нами, а мы в свою очередь снабжали его данными на террористов из своих источников. Контора даже выигрывала, чтобы с нашими противниками разбирался кто-то другой, еще более заинтересованный в их ликвидации. То есть сотрудничество с египтянином можно было бы даже перевести в официальное русло. Только это никому не было выгодно. Контора не хотела, чтобы обнаружилось, что он

помогает русским: не факт, что его начальникам это бы понравилось. А для Ашрафа такой расклад был привлекательнее с точки зрения результативности и карьеры. Одно дело, когда ты передаточное звено, и совсем другое, когда важную информацию ты добыл сам. Ну и, разумеется, плюс бонусы в конверте. В справке эти полезные соображения изложены не были — сам додумал, пока ехали из аэропорта.

— Что привело вас в Лондон? — спросил Ашраф.

Хотел бы я сам знать наверняка. Черт бы их побрал там, в Лесу! Эсквайр, мой бессменный куратор, что, в отпуске?

— То же, вероятно, что и вас. Активность наших общих врагов.

Попробуем переложить заботу о поддержании разговора на агента. Египтянин нервно заерзал на сиденье.

— Я не понимаю бездеятельности наших общих друзей, — горячо сказал он. — Известно, что такова традиционная британская политика: растить чертополох и бросать колючки за шиворот всем, кто подвернется, включая союзников. Ну, с нами понятно — мы бывшая колония, поспешили стряхнуть с себя их покровительство, и поделим нам: «Сами теперь расхлебывайте!» Но вы же тоже боретесь с теми уродами (Ашраф сказал «шайтанами»), которых они прикрывают. Почему англичане не прижмут их у себя хотя бы из солидарности с вами?

— Мы тоже бывшая колония, — улыбнулся предполагаемый и отчасти реальный американец. Глубокомысленная ирония всегда успешно маскирует недостаточную информированность. — А пятьдесят первым штатом Великобритании стать не торопится. И, — я многозначительно посмотрел на Ашрафа, — будем откровенны: мы пожинаем то, что посеяли.

Египтянин кивнул. Его заклятый враг — «Египетский исламский джихад»* — к тому времени уже практически влился в «Аль-Каиду»**, некогда любимое детище ЦРУ.

— Так чем я могу вам помочь? — спросил Ашраф, завершая обмен любезностями и общими фразами.

Это-то я себе представлял, хотя и в общих чертах.

— Нам хорошо бы иметь пару надежных источников в организациях, готовящих боевиков для горячих точек. Хотя бы в самых активных районах, типа Брикстона или Финсбери-парка.

Ашраф снова согласно покивал. Наши задачи здесь явно совпадали.

— Они сейчас занимаются в основном Чечней. Туда идет самый большой поток.

— Никто не знает, куда этих людей перебросят потом, — уклончиво сказал я. — Так что Чечня нас тоже интересует.

Собственно, Чечня нас и интересовала. После августовского вторжения отрядов Шамиля Басаева в Дагестан российские войска начали бомбить базы боевиков в Чечне — на отдаленной, но все же своей территории. В никем не признанной, но считавшей себя независимой Чеченской Республике Ичкерия*** это сочли

* Организация признана террористической решением Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116. Деятельность организации запрещена на территории Российской Федерации.

** Организация признана террористической решением Верховного Суда Российской Федерации от 13 ноября 2008 г. № ГКПИ 08-1956, деятельность организации запрещена на территории Российской Федерации.

*** Правительство Чеченской Республики Ичкерия признано террористической организацией решением Верховного Суда

агрессией иностранного государства. Президент Масхадов что ни день выступал со все более яростными протестами и взывал к международной общественности. Однако на самом деле, будучи бывшим полковником Советской армии и трезвым человеком, он, как мог, готовился к неминуемому массовому вторжению российских войск. Мусульманские наемники, в первую очередь выходцы из арабских стран, представляли собой в Чечне все более внушительную силу.

— У нас в данной среде есть свои люди, — сообщил Ашраф. — Но я же только приехал и еще не успел встретиться со всеми. Дайте мне неделю-другую, и я смогу реально быть вам полезным.

Я вежливо улыбнулся:

— Боюсь, речь идет о днях и часах, а не неделях.

Я ведь много работал с арабами. Они искренне хотят вам помочь, однако, чтобы дело продвигалось, их нужно держать за руку. Иначе за ту же руку их возьмет кто-то другой, со своими проблемами, и ваши отойдут на второй план.

Ашраф с сомнением посмотрел на меня:

— Так скоро? Ну, не знаю... Надо быть реалистами. В ближайшие дни я смогу дать вам наводки только по вербовкам в Чечню.

— Отлично! — Еще одна широченная, на сей раз абсолютно искренняя улыбка. — С чего-то ведь надо начинать.

С людьми, которые и должны были объяснить мне, зачем я, собственно, был вызван в Лондон, я встретился лишь часа через два после этого первого, самого важного контакта. Причем мне пришлось почти что вернуться в Хитроу. Дело в том, что по интересующему меня контингенту работал сотрудник резидентуры с прикрытием в представительстве «Аэрофлота». Он в скором времени ждал самолет из Москвы и поэтому попросил подъехать поближе к аэропорту. Человека звали Владимир Мохов, не знаю, настоящим было его имя или нет. Почему Мохов не мог проинструктировать меня рядом со своим рабочим местом и прямо после моего прилета, остается тайной. Но чему удивляться? У нас ведь тайная служба.

Я ехал на встречу не один, а со своим самым старым, самым близким, единственным настоящим другом. У Лешки Кудинова мать — полька, и воспитывала его польская бабушка. Его жена Таня, с которой они познакомились уже после нашей подготовки, тоже наполовину полька, только по отцу. То есть они оба прекрасно говорили по-польски. Так вот все сложилось: случайно — не случайно, но исключительно удачно. Потому что прослеживалось ли в их браке ненавязчивое подталкивание Конторы или нет, но в Англии Кудинов считался диссидентом, бежавшим с женой